

На правах рукописи

ЩЕНИКОВА Елена Викторовна

**ФАКТОРЫ ВЫБОРА
КОЛИЧЕСТВЕННЫХ И СОБИРАТЕЛЬНЫХ
ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ В СОВРЕМЕННОЙ
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ**

Специальность 10.02.01 – русский язык

АВТОРЕФЕРАТ

**диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук**

Нижний Новгород – 2006

Работа выполнена на кафедре современного русского языка и общего языкознания Государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского»

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Немченко Василий Николаевич

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Катлинская Лия Павловна
(г. Москва)

кандидат филологических наук, доцент
Федорова Валентина Васильевна
(г. Нижний Новгород)

Ведущая организация: ГОУ ВПО «Владимирский
государственный педагогический
университет»

Защита состоится «27» декабря 2006 года в 13 часов на заседании диссертационного совета Д 212.166.02 в Нижегородском государственном университете им. Н.И. Лобачевского (603000, Нижний Новгород, ул. Большая Покровская, 37 ауд. 312).

С диссертацией можно ознакомиться в фундаментальной библиотеке Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (603950, Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23).

Автореферат разослан _____ ноября 2006 года

Ученый секретарь
диссертационного совета _____ Л.В. Рацибурская

Имя числительное – относительно молодая часть речи. Она начала формироваться лишь в XIII веке на базе слов с количественным значением, относившихся к именам существительным или к именам прилагательным, что изначально обусловило особенности сочетания числительных с некоторыми группами слов. По мнению ряда исследователей, например, Л.В. Калининой, имя числительное как особая часть речи до конца не сложилась даже к началу XXI века. В настоящее время числительные не представляют собой однородного класса слов, обладающего единством грамматической формы и четким распределением функций между входящими в него единицами. Так, для обозначения количества лиц и животных в современном русском языке в сходных условиях используются количественные (КЧ) и собирательные числительные (СЧ). Вопрос о выборе числительного того или иного разряда является мало изученным в современной науке. Употребление КЧ и СЧ в основном лишь кратко характеризуется в рамках описательных курсов современного русского языка, в пособиях по стилистике ресурсов, в справочных и энциклопедических изданиях. В таких работах преобладают высказывания нормативно-предписывающего характера. Традиционно оговаривается определенный набор позиций, который, впрочем, не охватывает всех спорных случаев использования СЧ и КЧ при обозначении количества лиц и животных. Более того, в современной русской речи обнаруживаются регулярные отступления от кодифицированной нормы, причем их частотность разными исследователями оценивается по-разному. Некоторые лингвисты (Г.А. Качевская, Ю.И. Щербаков) считают эти отступления столь существенными, что даже говорят о возникновении новой нормы. Фактическому употреблению СЧ и КЧ в современной русской речи (в том числе художественной) исследователи в целом уделяют незначительное внимание. Почти не объясняются причины отступлений от традиционных нормативных предписаний, а также факторы, обуславливающие варьирование СЧ и КЧ в пределах литературной нормы.

Немногочисленные работы, в которых вопрос о выборе между собирательными и количественными числительными рассматривается более подробно, относятся преимущественно к 60-м годам XX века (Г.А. Качевская, А.Е. Супрун, Ю.И. Щербаков), и можно предположить, что в течение последних 35-40 лет произошли некоторые изменения нормы в сфере употребления этих числительных для обозначения количества лиц и животных. Во второй половине 80-х годов вышло пособие М.А. Михайлова «Имя числительное как часть речи» (Горький, 1986, 1987), однако оно посвящено «анализу освещения <...> числительных в учебной литературе, предназначенной для студентов-филологов, изучающих морфологию современного русского языка» (С. 2), и перед его автором не стояло задачи детально описать и объяснить выбор между СЧ и КЧ. К началу XXI века относится диссертационное исследование Ю.О. Чернобродовой «Функционирование собирательных и количественных числительных при обозначении лиц в современной русской речи (на материале местной периодической печати)», однако оно проведено на материале десяти

нижегородских газет, вышедших во второй половине 2001 года и, как следует из названия, охватывает только случаи использования СЧ и КЧ при обозначении количества лиц, но не животных. Кандидатская диссертация Ю.О. Чернобродовой в целом представляет собой работу констатирующего характера, в ней отсутствует анализ глубинных причин, определяющих выбор числительного того или иного разряда. Из последних работ по данной проблематике известна также статья Т.Е. Янко «Русские числительные как классификаторы существительных» (Русский язык в научном освещении. – 2002. – № 1 (3)), в которой рассматриваются «некоторые запреты на сочетаемость имен лиц с числительными» (С. 180).

Актуальность исследования, таким образом, определяется тем, что вопрос о выборе между КЧ и СЧ при обозначении количества лиц и особенно при обозначении количества животных разработан в современном языкознании недостаточно. Существуют противоречивые данные о фактическом употреблении этих числительных в речи, имеет место неоднозначное понимание нормы. Закономерности и правила использования СЧ и КЧ формулируются в работах предельно обобщенно. Опираясь на существующие исследования, очень трудно объяснить многие конкретные факты использования КЧ и СЧ в речи (особенно в речи художественной). Это определяет необходимость типологии различных случаев употребления СЧ и КЧ в речи. Работа выполнена в русле антропоцентрического подхода к анализу системно-структурных фактов языка, что связано с описанием роли авторской интенции, различных точек зрения на концептуализируемую область действительности, с включением в сферу анализа прагматических условий выбора языковых единиц.

Объектом исследования являются СЧ и КЧ первого десятка (*двое, трое, четверо, пятеро, шестеро, семеро, восьмеро, девятеро, десятеро; два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять, десять*).

Предмет исследования – факторы, определяющие выбор между СЧ и КЧ при обозначении количества лиц и животных в текстах произведений Б. Акунина, В.С. Маканина, В.О. Пелевина, Л.С. Петрушевской.

Цель исследования – выявить закономерности использования СЧ и КЧ при указании на количество лиц и животных в современной художественной прозе.

Достижению указанной цели способствует решение следующих **задач**:

1. Проанализировать и обобщить представленные в специальной литературе сведения о синтагматике числительных.

2. Рассмотреть особенности употребления СЧ и КЧ в сочетании с именами существительными, личными местоимениями, субстантивированными словами, а также случаи их изолированного использования в художественных текстах.

3. Выявить факторы, действием которых объясняется выбор КЧ или СЧ в пределах нормы.

4. Выявить причины отклонения от нормы в сфере употребления КЧ и СЧ.

5. Дать типологию факторов, определяющих выбор разряда числительного, проследить их взаимодействие.

Источники языкового материала. Материалом для исследования послужили прозаические (эпические) произведения четырех современных российских писателей: Б. Акунина, В.С. Маканина, В.О. Пелевина и Л.С. Петрушевской. В результате сплошного обследования всех известных нам текстов каждого из авторов (всего 539 произведений: 29 романов, 14 повестей, 496 рассказов) выявлено 3136 случаев использования КЧ и СЧ при обозначении количества лиц и животных.

Произведения указанных авторов разнообразны в жанровом отношении (романы, повести, рассказы), представляют различные течения и направления, существующие в современной отечественной литературе; прежде всего, это «другая проза», условно-метафорическая проза, постмодернизм, развлекательная проза.

Вопрос об изменении литературной нормы, который затрагивается в данной работе, традиционно решается с опорой на речь людей, хорошо владеющих литературным языком, обладающих авторитетом в области словесного творчества. Отобранные нами авторы вполне удовлетворяют указанным критериям. Произведения В.С. Маканина, В.О. Пелевина, Л.С. Петрушевской уже получили признание среди критиков и литературоведов, включены в программу курса русской литературы второй половины XX века для высших учебных заведений. Г.О. Чхартишвили, издающий детективные произведения под псевдонимом Борис Акунин, известен как эссеист, переводчик с английского и японского языков (под его редакцией издана двадцатитомная «Антология японской литературы»). Выбор данного автора обусловлен также тем, что развлекательное направление, представленное его произведениями, в последнее десятилетие получило широкое распространение в отечественной литературе. Язык развлекательных произведений потенциально способен влиять на речь большого количества людей, и потому нельзя не учитывать этот пласт литературы, рассматривая причины выбора между КЧ и СЧ в современной художественной прозе.

Методы исследования. Основным методом исследования в данной работе является описательный метод, в ходе применения которого использовались приемы наблюдения, описания, сопоставления, классификации, лингвистического эксперимента.

Методологическую базу исследования составили труды отечественных лингвистов в области морфологии (В.В. Виноградова, Л.К. Граудиной, Г.А. Качевской, Д.Э. Розенталя, Е.Н. Сидоренко, А.Е. Супруна, А.Н. Тихонова, Г.А. Хабургаева и др.), стилистики (Д.Э. Розенталя, И.Б. Голуб, М.Н. Кожинной и др.) и культуры речи (Б.Н. Головина, Л.И. Скворцова и др.).

Научная новизна работы заключается в том, что в ней впервые в комплексе рассматриваются факторы, обуславливающие выбор между СЧ и КЧ при обозначении количества лиц и животных в современной художественной прозе.

Личный вклад автора выражается в отборе фактического материала на основе текстов современных российских писателей-прозаиков, в критическом анализе существующих в науке подходов к семантике и сочетаемости КЧ и СЧ в современном русском языке, в выведении системы факторов, определяющих синтагматику этих числительных.

Теоретическая значимость исследования. Полученные в ходе исследования данные уточняют имеющиеся представления об имени числительном как части речи, о функционировании КЧ и СЧ в современной речи.

Практическая значимость исследования. Материалы диссертации могут быть использованы в практике вузовского преподавания курсов «Современный русский язык», «Основы стилистики и культуры речи», спецкурсов и спецсеминаров по соответствующей проблематике, в культурно-речевой практике говорящих, при обучении современному русскому языку иностранцев, при составлении словарей и справочников нормативного характера, а также при дальнейшем изучении функционирования числительных в художественном и других стилях современного русского языка.

На защиту выносятся следующие положения.

1. Выбор КЧ либо СЧ в современном русском языке не является случайным, а связан с действием ряда факторов.

2. К основным лингвистическим факторам, которые влияют на выбор разряда числительного, относятся семантический, стилистический и морфолого-фонетический факторы, помимо которых можно выделить структурный фактор, действие традиции (аналогии), следование кодифицированной норме.

3. В рамках конкретного текста факторы подразделяются на однонаправленные и разнонаправленные, сильные и слабые, базовые и сопутствующие.

4. Выбор разряда числительного, как правило, связан с совокупным воздействием нескольких сильных однонаправленных факторов, значительно реже – с воздействием одного сильного (базового) фактора и нескольких сопутствующих слабых.

Апробация работы. Основные положения диссертации обсуждались на региональных, всероссийских и международных научных конференциях в Нижнем Новгороде (2004, 2005, 2006), Владимире (2005), на межвузовском аспирантском семинаре при кафедре современного русского языка и общего языкознания Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского и нашли отражение в 11 публикациях.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, пяти глав, заключения, списка источников языкового материала, списка использованной литературы и двух приложений.

Содержание работы

Во **введении** обосновывается актуальность исследования, определяются объект и предмет исследования, формулируются цель и задачи работы, дается характеристика источников исследования, указываются основные методы исследования, его научная новизна, теоретическая и практическая значимость.

В **главе 1** «Количественные и собирательные числительные в современной лингвистической науке» дан обзор литературы по рассматриваемой проблеме.

В современной лингвистической науке нечетко определены границы имени числительного как части речи, отсутствует общепринятое деление числительных на разряды. Некоторые лингвисты отрицают принадлежность к именам числительным слов типа *двое, четверо* (В.Н. Хохлачева, М.В. Панов). Мы придерживаемся традиционного подхода, согласно которому такие слова являются СЧ. Нет единого мнения по вопросу об их соотношении с базовым разрядом – КЧ. Вероятно, на настоящем этапе развития языка этот вопрос не может быть решен однозначно, но предпочтительной представляется такая точка зрения, согласно которой эти разряды являются рядоположными.

Состав группы СЧ также определяется по-разному. Традиционно к СЧ в современном русском языке относят девять слов, образованных от количественных числительных первого десятка с помощью суффиксов *-oj-* (*двое, трое*) и *-er-* (*четверо, пятеро, шестеро, семеро, восьмеро, девятеро и десятеро*). Спорным является вопрос о принадлежности к СЧ (и к именам числительным вообще) слова *оба (обе)*. Мы разделяем точку зрения тех исследователей, которые считают, что его формально-грамматические и семантические отличия от числительных типа *двое... десятеро* столь велики, что не позволяют отнести их к одному лексико-грамматическому разряду (Л.Л. Буланин, М.Ф. Лукин, Б.А. Маслов, А.Н. Тихонов).

КЧ, как отмечают исследователи, достаточно универсальны и могут быть использованы для обозначения количества очень широкого круга предметов. По сравнению с ними СЧ, во всяком случае, в литературной речи, существенно ограничены в употреблении (грамматически, лексически, стилистически).

Разными учеными у КЧ выделяется разное количество значений: два (абстрактного числа и количества), три (абстрактного числа, количества, счетное значение). Семантика СЧ, по мнению многих исследователей, близка семантике КЧ, однако не тождественна ей. Отмечается, что СЧ по сравнению с КЧ более предметны и не могут называть абстрактные числа, однако способны выражать указание на лицо.

Наиболее спорным в области семантики числительных является вопрос о наличии у СЧ значения совокупности. Можно выделить три основные точки зрения: 1. Значение совокупности существует и определяет семантическую специфику СЧ (М.Ф. Лукин, Т.В. Матвеева, А.М. Чепасова); 2. Значение совокупности у СЧ отсутствует (С.И. Богданов, Л.Л. Буланин, Н.С. Валгина, А.Н. Гвоздев); 3. Значение совокупности у СЧ реализуется не всегда, но полностью отрицать его существование нельзя (Л.К. Граудина,

Г.А. Качевская, Новый объяснительный словарь синонимов русского языка). В реферируемой работе принимается последняя точка зрения.

В большинстве работ, прежде всего, рассматривается, вопрос об ограниченной возможности СЧ сочетаться со словами различных частей речи. Традиционно выделяются следующие модели словосочетаний с использованием СЧ и КЧ: (1) «СЧ/КЧ + имя существительное со значением ‘лицо мужского пола’»; (2) «СЧ/КЧ + существительные *люди / дети / ребята* или существительное *лицо* в значении ‘человек’»; (3) «СЧ/КЧ + субстантивированное прилагательное или причастие в форме множественного числа»; (4) «СЧ/КЧ + существительное, называющее лиц женского пола»; (5) «СЧ/КЧ + личное местоимение множественного числа (*мы, вы, они*)»; (6) «СЧ/КЧ + имя существительное, называющее взрослых животных либо их детенышей»; (7) «СЧ/КЧ + неодушевленное существительное *pluralia tantum* либо парное существительное». Помимо этого отмечается (8) «изолированное» употребление субстантивированных СЧ (употребление вне количественно-именных словосочетаний с другими субстантивированными словами, с именами существительными или личными местоимениями). Употребление СЧ и КЧ с названиями неодушевленных предметов в современной художественной речи не вызывает серьезных споров. Именно поэтому такие количественно-именные словосочетания в реферируемой работе не рассматриваются. Сочетания КЧ и СЧ с наименованиями одушевленных предметов (лиц и животных), напротив, представляют значительный интерес для исследования. В этой группе отмечается широкое варьирование имен числительных как в рамках нормы, так и за ее пределами. Впрочем, сам вопрос о том, какие явления следует считать нормативными, решается иногда очень неоднозначно.

Употребление СЧ допускается в сочетаниях с именами существительными, называющими лиц мужского пола / существительными мужского рода, одушевленными существительными *pluralia tantum* (*люди, дети, ребята*), субстантивированными словами, личными местоимениями, а также в изолированной позиции при субстантивации. Некоторые исследователи особо рекомендуют сочетать СЧ с именами существительными мужского рода, изменяющимися по *-а*-склонению, существительными общего рода, называющими мужчин, и субстантиватами. Использование КЧ считается более предпочтительным в сочетаниях с наименованиями лиц, занимающих высокое социальное положение. Особая концепция в отношении синтагматики КЧ и СЧ представлена Т.Е. Янко. Исследователь связывает выбор числительных того или иного разряда с типами концептуализации человека, которые представляют сочетающиеся с ними имена существительные: ‘Человек как индивид, воплощающий в себе некоторый признак’, (2) ‘Человек как имя или функция’, (3) ‘Человек как физическое тело’ и (4) ‘Человек как мера’. СЧ, согласно наблюдениям ученого, сочетаются с именами существительными только в первом подзначении, в остальных случаях используются КЧ, «которые не чувствительны к семантическим оппозициям ‘лицо’ – ‘имя’ – ‘тело’» (указанная выше работа,

С. 178). Т.Е. Янко вполне допускает возможность сочетания СЧ со словами типа *сенатор*, *боярин*, если они называют человека как индивида, однако отмечает, что обычно «сочетаемость существительных с числительными выравнивается по семантическому стандарту и идиоматизируется. При этом семантический стандарт и, соответственно, статистическая частотность определяются стержнем соответствующего концепта» (там же).

Сочетания с наименованиями лиц женского пола / существительными женского рода традиционно считаются недопустимыми, однако известны немногочисленные попытки установления альтернативной нормы (Г.А. Качевская, Ю.И. Щербаков). Сочетания СЧ с наименованиями взрослых животных признаются ненормативными всеми исследователями (использование СЧ с наименованиями детенышей животных, по мнению многих лингвистов возможно, во всяком случае, в разговорной речи). При этом обычно никак не оценивается употребление СЧ в изолированной позиции, в сочетаниях с местоимениями при указании на количество лиц женского пола и животных. Не уточняется также нормативность различного рода периферийных сочетаний: «СЧ + имя существительное мужского рода, называющее лиц женского пола» (*двое добровольцев*); «СЧ + неодушевленное существительное, которое используется для обозначения живых существ» (*двое «черных курток»*) и т.п.

В конце 1 главы дается общая характеристика художественного стиля (языка художественной литературы), спецификой которого отчасти обусловлено употребление КЧ и СЧ.

В главе 2 «Выбор разряда числительного под воздействием семантического фактора» рассматриваются особенности использования СЧ и КЧ с учетом их собственных значений, а также значений других языковых единиц (слов, их грамматических форм, синтаксических конструкций), входящих в контекст, и формируемого ими смысла.

Семантический фактор имеет множество конкретных реализаций. Выражение определенных смысловых оттенков достаточно жестко закреплено за числительными того или иного разряда.

Употребление СЧ рассматривается в диссертации в связи с указанием на тесную совокупность (живых существ), предмет, лицо (человека) и мужской пол, причем эти семантические (смысловые) оттенки в одних типах сочетаний актуализируются, а в других – нивелируются.

Оттенок (сема) совокупности выходит на первый план в сочетаниях СЧ с именами существительными и субстантивированными словами, которые называют лиц мужского пола, группы лиц, включающие мужчин и женщин, а также группы лиц, информация о половой принадлежности которых не актуализируется автором; причем этот оттенок реализуется при использовании в тексте не только слов, имеющих нормальное числовое противопоставление, но и одушевленных существительных *pluralia tantum*. Наиболее часто основаниями для группировки лиц выступают следующие признаки.

1. Производимое лицами действие и связанное с этим действием положение в пространстве. Часто близкое положение лиц в пространстве связано с перемещением других людей (убитых, раненых, арестованных и т.п.), а также тяжелых и громоздких предметов: <...> **четверо стюардов уже вносили в зал главный приз: редкостной уродливости напольные часы** <...> (Акунин).

2. Связь людей с определенным лицом, принадлежность к некой группе: У нее было четверо детей (Маканин); *Что представляли собой **шестеро парней из московского боевого отряда**, и вовсе не известно* (Акунин).

3. Группировка по указанным выше признакам может сопровождаться противопоставлением. По многим другим признакам лица объединяются в группы только в результате противопоставления. Основаниями для группировки в этих случаях, как правило, выступают различные социально-психологические, реже физические свойства лиц. Конкретные признаки, по которым люди объединяются в группы, в большинстве случаев являются единичными и плохо поддаются классификации. Наиболее общим типом группировки в данном случае является группировка на основании противопоставления 'свой – чужой'. Помимо этого отмечается группировка лиц по возрасту; социальному положению; по таким признакам, как 'лучшие – худшие', 'старые – новые', 'живые – мертвые', 'родные – неродные' и др.

При употреблении СЧ в сочетаниях с личными местоимениями и в изолированной позиции сема совокупности, вероятно, проявляется всегда, поскольку СЧ в субстантивированном значении указывают на *группу* лиц. Личные местоимения также выступают в качестве объединяющего начала, сема совокупности заложена в их значении: местоимение «*мы* обозначает группу [выделено нами – Е.Щ.] лиц, включающую говорящего» (Современный русский язык. В 3 ч. – Ч. 2. Шанский, Н.М., Тихонов, А.Н. Словообразование. Морфология. – М.: Просвещение, 1987. – С. 148). **Нас двое**, Иван. Ты да я – больше никого (Маканин).

Очевидно, что семы предметности и лица реализуются у СЧ преимущественно при их употреблении в изолированной позиции, в конструкциях переходного типа: **Кандидатов в президенты двое** (Пелевин), в контекстуально неполных предложениях с опущенным существительным, т.е. в таких синтаксических позициях, где эти числительные находятся на той или иной ступени субстантивации. В полных предложениях при использовании СЧ в рамках количественно-именных словосочетаний с отношениями восполнения эти семы актуализируются у СЧ преимущественно при указании на количество живых существ (лиц), называемых субстантивированными словами, которые сами не способны указывать на предмет и лицо: **Но *трое больших* не принимали участия в этом празднике родительской мудрости** (Петрушевская); ср.: ****три больших* не принимали участия**. В сочетаниях с именами существительными сема лица проявляется крайне редко. Исключения составляют сочетания СЧ с нетиповыми наименованиями лиц: преимущественно со словами, которые в других своих значениях являются наименованиями неодушевленных предметов и явлений: **Двое «черных**

курток» остались лежать на земле (ср.: **Две «черные куртки» остались лежать на земле*).

Наличие у СЧ семы лица во многом объясняет их редкое употребление для указания на количество животных, которые, как принято считать, не обладают свойствами личности. Относительно немногочисленные отступления от общей закономерности имеют под собой серьезные экстралингвистические основания. СЧ встречаются преимущественно в нереалистических произведениях В.О. Пелевина и Л.С. Петрушевской, где используются для обозначения количества персонажей особого типа, а именно таких существ, которые обладают одновременно качествами и животных, и людей. СЧ этих случаях на собственно языковом уровне формируют в сознании читателя представление о двуединстве животного и личностного начал. О волках-оборотнях: *Двое волков были знакомы – Иван Сергеевич и милиционер, а третий – нет* (Пелевин).

Появление у СЧ семь мужского пола можно объяснить исторически. Как упоминалось выше, в период формирования нормы, «категория лица охватывала названия лиц только мужского пола» (Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. – М.: Высшая школа, 1972. – С. 249). Мы предполагаем, что в результате длительного использования СЧ для указания исключительно на количество мужчин (первоначально на основании живых лингвистических и экстралингвистических факторов, а в дальнейшем – под воздействием сложившейся традиции словоупотребления) представление о мужском поле закрепилось за СЧ, нашло отражение в их семном составе. Наличие семы мужского пола объясняет, с одной стороны, преобладание СЧ в сочетаниях с именами существительными, изменяющимися по 1 «женскому» склонению (*двое мужчин*) и с именами существительными общего рода, называющими лиц мужского пола либо мужчин и женщин одновременно (*двое сирот*); с другой – запрет на их употребление для указания на количество лиц женского пола (*две женщины, две сироты*).

КЧ способны выражать значительно большее, чем СЧ, количество смысловых оттенков.

КЧ могут указывать на расчлененное количество лиц. Люди в качестве отдельно (раздельно) существующих субъектов представляются на разных основаниях: (1) положения в пространстве: *Она шла меж двух жандармов* (Акунин); (2) положения во времени (*сменились еще два российских президента* (Маканин)); (3) производимого ими или в отношении них действия: *Ярослав <...> собрал¹ трех ребят* (Петрушевская); (4) социальных, социально-психологических особенностей: *В мире нет двух похожих людей с одинаковыми именами* (Пелевин) и т.д.

¹ Действие, называемое глаголом *собрать*, можно осуществить только в отношении раздельно существующих (или вернее – в отношении раздельно мыслимых кем-то) единиц, но не в отношении уже имеющейся совокупности (группы), на существование которой указывало бы СЧ: нельзя собрать тех людей, которые уже находятся вместе.

КЧ относительно часто используются для указания не на количество конкретных персонажей, а на количество «лиц вообще» (то есть любых представителей определенной социальной группы или вида homo sapiens в целом): <Он> *подметил плачевную необщность Якушкина: умение лечить лишь одного **больного**, а не **двух**, скажем, сразу* (Маканин).

КЧ способны акцентировать внимание на количестве, если информация о нем важна в каком-либо отношении: *Надеюсь, у тебя только **два сына**?* (Маканин).

КЧ способны в не прямой форме указывать на большое и малое (относительно чего-либо) количество лиц: *У меня будут **три кавалера**, и все сорокалетние толстухи полопаются от зависти!* (Маканин). Представление о большом и малом в подобных случаях вырабатывает сам читатель, сопоставляя точные данные о количестве с остальными элементами контекста.

КЧ используются, если необходимо дать характеристику людей, их групп, неодушевленных предметов и явлений через количество связанных с ними лиц: *По композиции это напоминало известную картину с тремя охотниками у костра* (Пелевин). В рамках рассматриваемой группы выделяется особая подгруппа – «тип концептуализации» ‘человек как мера’. В текстах современных художественных произведений словосочетания с КЧ в подавляющем большинстве случаев используются для «измерения» явлений социального характера, преимущественно для указания на размер группы: *Пост в **три человека*** (Маканин).

КЧ используются писателями с целью особо подчеркнуть, что каждый из людей, количество которых называется, обладает указанными в тексте свойствами и качествами. В подобных случаях они не несут новой информации о количестве, а выступают только в роли усилительных элементов: *Два клоуна, – с презрением бросила Коломбина* (Акунин). Героиня общается с двумя мужчинами и, оценивая их поведение, заявляет, что каждый из них клоун.

В ряде случаев выбор КЧ связан с указанием на приблизительное количество посредством конструкций с обратным порядком слов: <...> *в камерке под лестницей находилось **человек пять*** (Петрушевская).

КЧ способны передавать информацию о половой принадлежности лиц. Прежде всего, это касается КЧ *два (две)*, которое в именительном падеже имеет формы мужского и женского рода. Помимо этого, на материале современной художественной прозы в целом подтверждается высказанное Т.Е. Янко положение о том, что за КЧ *три* и *четыре* в сознании носителей современного русского языка закреплено представление о женском поле. «Отпечаток женскости», однако, проявляется у этих числительных только в сочетаниях с именами существительными мужского рода, изменяющимися по -а-склонению, и субстантивированными словами: *Эти **трое тихих** убрались в глушь как милостыню просить* (Петрушевская). Ср.: **Эти **три тихих** убрались в глушь как милостыню просить*.

Использование именно КЧ для формирования названных выше смысловых оттенков, вероятно, связано с тем, что сема количества у них ярко выражена,

является доминирующей и они могут передать соответствующую идею наиболее четко и однозначно, в то время как СЧ, семантическая структура которых включает семы совокупности, предметности, лица и мужского пола, не обладают такой возможностью.

Употребление СЧ либо КЧ может быть связано с реализацией не только одного, но и двух, трех и более смысловых оттенков одновременно.

Семантический фактор является объективно-субъективным (вероятно, именно из-за наличия субъективной составляющей в реализации значений КЧ и СЧ некоторые исследователи и не признают того, что эти числительные обладают семантической спецификой). С одной стороны, люди (персонажи) обладают множеством различных объективных характеристик, находятся в определенных отношениях с действительностью и другими людьми (персонажами), и числительные передают информацию об этих объективно существующих свойствах и особенностях. С другой стороны, автор высказывания, используя числительное, в каждом конкретном случае обычно выбирает и актуализирует тот признак, который представляется ему наиболее важным. Иначе говоря, СЧ и КЧ характеризуют группу лиц не абсолютно, а в каком-либо отношении, в соответствии с критерием, установленным автором. Таким образом, при трактовке текстов, говоря о действии семантического фактора, нужно всегда принимать во внимание некую точку отсчета, учитывать, с чьих позиций ведется повествование, рассуждение, осуществляется описание, какие характеристики лиц в рассматриваемой ситуации являются главными, а какие – второстепенными.

В главе 3 «Выбор разряда числительного под воздействием стилистического фактора» рассматривается использование КЧ и СЧ в зависимости от стилистических особенностей контекста.

Экспрессия в художественных текстах обычно создается посредством СЧ. Они способны придать тексту разговорную окраску, отрицательную оценочность, абсурдность, комизм, стилизовать высказывание под речь малограмотного человека или иностранца; причем актуализация того или иного оттенка находится в прямой зависимости от остальных элементов контекста, в котором это числительное функционирует. Наиболее яркий эффект возникает при отступлении от кодифицированной нормы, т.е. при использовании СЧ для указания на количество людей, занимающих высокое социальное положение, при указании на количество лиц женского пола и животных, а также при сочетании со словами, обладающими повышенной эмоциональной окраской: *Коломбина, уже приготовившаяся насмешливо скривиться, приняла задумчивый вид. Раз **двое корифеев** что-то усмотрели в диковинном произведении принца Гэндзи, значит оно не безнадежно* (Акунин). Немногочисленные отклонения от общей закономерности связаны с использованием КЧ в предметном значении; возникновение экспрессии в этих случаях, очевидно, связано с нетипичностью самого явления: *Легальная вдовица купила все, когда из небытия вышла амурная история ее мужа, как легко понять, уже на фазе очень близкого знакомства этой будущей жены и*

гения, т.е. был момент, когда он (видимо) жил сразу с двумя! (Петрушевская).

КЧ обычно являются стилистически не-маркированными, что позволяет использовать их в контекстах нейтрального характера, а также в контекстах, связанных с выражением положительной оценочности. В ряде случаев КЧ помогают избежать возникновения отрицательной экспрессии у эмоционально окрашенных слов: *Их было **три** дружка: сам журналист <...>, Павел Старохатов и Генаша* (Маканин); ср.: **трое дружков*.

На уровне построения текстов реализация стилистического фактора во многом носит вероятностный характер. КЧ и СЧ, обладая определенными стилистическими возможностями, способны участвовать в формировании определенных смысловых оттенков, однако стилистический потенциал этих числительных реализуется не всегда. Таким образом, опираясь на стилистические особенности контекста, можно частично объяснить выбор разряда, но трудно его предсказать. На общем фоне выделяется лишь последовательное употребление КЧ с именами существительными (имеющими нормальное числовое противопоставление) в контекстах философско-поэтического и патетического характера, а также в высказываниях, стилизованных под официально-деловую речь. Однако уже на уровне сочетаний с субстантивированными словами действие этой закономерности предстает в ослабленном виде. Сочетания СЧ с одушевленными существительными *pluralia tantum*, субстантивированными словами и личными местоимениями, особенно в конструкциях переходного типа, в целом обычно являются стилистически нейтральными, не создают ярких стилистических эффектов.

Выбор разряда числительного может определяться не только стилистической окраской СЧ и КЧ. Он может быть связан с реализацией такого стилистического приема, как параллелизм: *Можно встретить **двух** людей, похожих друг на друга, как две капли воды, но невозможно найти два идентичных отпечатка* (Акунин), с включением в текст прецедентного высказывания в исходном или трансформированном виде: *Егор так и прилип к стеклу, стараясь разглядеть шпионов получше. – «**Три фашиста, три** веселых **друга**, экипаж машины боевой», – промурлыкал старший майор* (Акунин).

Помимо этого действие стилистического фактора проявляется в том, что при выборе разряда числительного писатели руководствуются элементарным «законом "хорошего слога"», который требует варьирования «способов выражения одних и тех же (или близких) грамматических значений», т.к. «монотонная повторяемость грамматических форм считается стилистическим дефектом» (Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М.Н. Кожинной. – М.: Флинта; Наука, 2003. – С. 448). И если существует возможность чередования КЧ и СЧ, то выбираются формы, создающие разнообразие речи: *<...> они как бы вяло плетутся за ними. Но уже не теряют из виду, **двое** за **двумя*** (Маканин).

Обращает на себя внимание связь разряда числительного с двумя типами представления персонажей в текстах произведений Б. Акунина. Условно их можно обозначить как зрительное восприятие и упоминание. При зрительном восприятии персонажи представляются так, как их видит человек (реже – несколько), через субъектную сферу которого (которых) пропускается действие. При втором типе представления, как следует из названия, персонажи лишь упоминаются, но подробно не описываются, герой не наблюдает их в действии. Эти два типа не охватывают всех случаев использования СЧ и КЧ, но именно при их реализации просматриваются некоторые закономерности в выборе числительного того или иного разряда. В контекстах, где имеет место зрительное представление персонажей, чаще фиксируются СЧ (63,43%), СЧ употребляются особенно часто, если описываемые события развиваются динамично (88,10%): *Примеривался Скорик в сбитенном ряду, чего бы утырить, храбрости набирался, а тут вдруг шум, гам, крик. Баба какая-то орет. Караул, мол, обокрали, кошель вынули, держи вора! И двое пацанов <...> несутся прямо по прилавкам, только миски да кружки из-под сапог разлетаются.* В контекстах, где персонажи лишь упоминаются, напротив, преобладают КЧ (72,16%): *Мы знаем, что у доктора осталось по меньшей мере два помощника.*

В главе 4 «Выбор разряда числительного под воздействием морфолого-фонетического фактора» рассматриваются звуковые особенности слов (словоформ) и их сочетаний, которые приводят к использованию КЧ либо СЧ. Действие фонетического фактора сводится к употреблению более благозвучных, более удобных в произношении форм слов и их сочетаний, сочетаний, которые создают разнообразие речи на звуковом уровне. Интересно, что реализацией фонетического фактора можно объяснить выбор, прежде всего, КЧ. Фонетических условий, которые требуют регулярного использования СЧ, в текстах Б. Акунина, В.С. Маканина, В.О. Пелевина и Л.С. Петрушевской нами не отмечено. КЧ часто употребляются в тех случаях, в которых при использовании СЧ в речевой цепочке возникли бы неуместные звуковые повторы.

Воздействием морфолого-фонетического фактора можно частично объяснить устойчивое преобладание КЧ в формах косвенных падежей. В форме творительного падежа (за единственным исключением) нами зафиксированы только КЧ. Очевидно, это связано с тем, что звучание флексий соответствующих СЧ в этих случаях всегда частично или полностью совпадает со звучанием флексий тех слов, с которыми данные СЧ согласуются: *Тут вернулся Мидхат-наша с двумя сво[j]ими адъютантами* (Акунин); ср.: *с дво[j]ими сво[j]ими адъ[ju]тантами. КЧ заметно преобладают в формах винительного, родительного и дательного падежей, если рядом с ними находятся прилагательные или местоимения, которые совпадают по типу склонения (мягкий/твердый) с соответствующими СЧ: *Марина уже привела трех рабочих* (Маканин); ср.: **троих* рабочих. Если прилагательное (местоимение-прилагательное) имеет иной, чем СЧ, тип склонения (то есть при отсутствии звуковых повторов), СЧ в косвенных

падежах употребляются также значительно чаще: *Из **троих** сопровождавши[ы]х он казался мне более симпатичным* (Маканин); *И это давно надоело **троим** бездельникам* (Петрушевская).

КЧ несколько преобладают в тех случаях, когда два числительных образуют некоторое подобие сложного слова (*два-три, пять-шесть* и т.п.) или просто находятся близко по отношению друг к другу в контексте. Их преобладание в первом случае связано, на наш взгляд, не только с желанием говорящего избежать звукового повтора, но и с законом экономии произносительных усилий:² при использовании соответствующих им СЧ в подобных случаях возникают достаточно длинные фонетические слова, количество слогов у которых больше обычного: *Небогатые дачники, **семь-восемь человек**...* (Маканин); ср.: ****семеро-восемеро человек***. Ср. также: *Девять из десяти людей сами тебе все расскажут, только согласись выслушать* (Акунин) – ****девятеро из десятерых людей** сами тебе все расскажут*.

Употребление КЧ помогает избежать многих случайных звуковых повторов: *Все как положено, **два конвойных*** (Пелевин), ср.: ****дв[ojэ] конв[oj]ных***; <...> *кроме **двух играющих** сидеть остался только один человек* (Акунин), ср.: ****дво[j]их играющих***.

Морфолого-фонетический фактор наиболее последовательно реализуется в сочетаниях СЧ и КЧ с именами существительными, имеющими нормальное числовое противопоставление. Отступления от требований к благозвучию речи отмечены нами преимущественно в таких позициях, где СЧ выполняет смыслоразличительную функцию. Прежде всего, это касается сочетаний СЧ с субстантивами и личными местоимениями (в рамках словосочетаний с определительными отношениями), где эти числительные традиционно используются для указания на лицо. При употреблении числительных с именами существительными неблагозвучные сочетания возникают достаточно редко, в основном под воздействием семантического и стилистического факторов.

Принимая во внимание действие морфолого-фонетического фактора, можно объяснить употребление (или неупотребление) отдельных лексем и словоформ, выбор которых ранее считался случайным.

В **главе 5** «Взаимодействие факторов» рассматривается взаимодействие семантического, стилистического и фонетического факторов между собой, а также со структурным фактором, кодифицированной нормой и с выбором разряда по традиции, аналогии.

С действием структурного фактора связано употребление числительных в сочетаниях с одушевленными существительным *pluralia tantum* в формально обусловленной позиции. Говоря о кодифицированной норме, мы имеем в виду устоявшиеся запреты на сочетание СЧ с именами существительными, называющими лиц женского пола и взрослых животных (запретительная

² По нашему мнению, на письменную речь в данном случае большое влияние оказывают навыки устной речи.

норма), и рекомендации по выбору КЧ, а не СЧ для указания на количество лиц, занимающих высокое социальное положение (рекомендательная норма). С действием аналогии (традиции) мы связываем такие случаи использования СЧ и КЧ в сочетаниях с нетиповыми наименованиями лиц, которые не регулируются кодифицированной нормой.

В условиях конкретного текста все факторы подразделяются на однонаправленные и разнонаправленные. Однонаправленные факторы предполагают выбор числительного одного разряда, разнонаправленные – выбор числительных разных разрядов (одни – количественных, другие – собирательных).

Регулярное взаимодействие однонаправленных факторов в определенных условиях объясняет преимущественное использование в этих условиях числительных того, а не иного разряда. Так, взаимодействием фонетического и семантического факторов объясняется выбор КЧ в косвенных падежах. С одной стороны, эти формы более удобны для произношения, помогают избежать неуместных звуковых повторов, с другой – часто используются при выражении тех смысловых оттенков, которые и закреплены за КЧ.

Действие запретительной нормы часто поддерживается действием семантического фактора. Запрет на использование СЧ для указания на количество лиц женского пола и взрослых животных связан не только с наличием у этих числительных сем мужского пола и лица. Во многих случаях КЧ в сочетаниях с наименованиями лиц женского пола и взрослых животных встречаются в таких семантических, реже стилистических и фонетических условиях, в которых числительные этого разряда функционируют и при указании на количество лиц мужского пола (т.е. для указания на расчлененное, большое/малое, приблизительное, «важное» количество и т.п.): – *Сержант, молодая, брюнетка, высокая, – медленно повторил караульный. – Таких было две* (Акунин). В описываемой ситуации информация о количестве очень важна, т.к. требуется, причем срочно, установить количество женщин, подпадающих под определенное описание и найти среди них преступницу.

При столкновении разнонаправленных факторов решается, какие аспекты являются более важными в конкретной ситуации: передача каких-то семантических или стилистических оттенков, благозвучие речи, соблюдение традиции и т.д. Разнонаправленные факторы можно подразделить на сильные и слабые. Чаще всего сильными оказываются семантический фактор, норма и аналогия.

Действие аналогии определяет преимущественное использование КЧ в следующих сочетаниях: (1) в сочетаниях с метафорическими наименованиями лиц – словами, которые в своих основных значениях относятся к неодушевленному существительному: *На пороге ванной стояли два шкафа – темные очки, костюмы, провода телесного цвета, спускающиеся из ушей* (Пелевин); (2) в сочетаниях с нетиповыми наименованиями лиц – словами, которые в своих основных значениях являются наименованиями животных: *Сразу за секретарствующим, за гладеньким и чистеньким секретарем-протоколистом, сидят с правой стороны два молодых волка* (Маканин); (3) в

сочетаниях с именами существительными не-мужского рода (женского и среднего) при указании на количество лиц мужского пола: *Из-за угла пансиона один за другим вылетели **две тени** – люди в одинаковых пальто и котелках* (Акунин); *Мужская сторона, как это бывает на собачьих свадьбах, разношерстная, **четыре особи**, один высокий, во всем праздничном, в сером костюме по такой жаре <...>, далее дядечка из племени пузатых <...>* (Петрушевская).

Стилистический фактор является относительно слабым. Его действие становится во многом определяющим, когда говорящий существенно отходит от усредненной, нейтральной манеры выражения мыслей. Многие факты отступления от нормы имеют стилистические основания. Следует, однако, отметить, что СЧ при указании на количество лиц женского пола и взрослых животных часто употребляются в таких позициях, в которых в современной русской речи (либо в произведениях конкретного автора) они встречаются редко, т.е. в случаях, где нарушение нормы и устоявшейся традиции словоупотребления является менее очевидным. СЧ используются (1) при указании на относительно большое количество: *и выгнала <...> **шестерых кошек** и всех голубей, которые жили под потолком* (Петрушевская); (2) в конструкциях, где связь между элементами более свободная, чем в количественно-именных словосочетаниях с отношениями восполнения и которые не приводятся в нормативных грамматиках: ***Жуки (четверо)** посылали свои умоляющие сигналы* (Петрушевская); (3) в неполных предложениях: *<...> у меня тут завелось столько сердечных **подруг!** – Знаю, **пятеро**, – усмехнулся Дьяболини* (Акунин); (4) в сочетаниях с именами существительными, которые традиционно используются для наименования лиц мужского пола: *таких **добровольцев** среди каторжан было всего **двое**, Маша и Нина-в-депрессии* (Петрушевская); (5) в изолированной позиции и в сочетаниях с местоимениями, которые в эксплицитной форме не указывают на лицо женского пола, животное: *Тут они обе, а с ними и Мари, – все **трое** разом смолкли* (Маканин) – и т.п. Стилистический фактор в случаях отклонения от нормы можно назвать базовым, но его действие реализуется лишь при наличии сопутствующих однонаправленных факторов (при наличии удобных для произношения форм, при рассмотрении лиц в качестве тесной совокупности и т.п.).

В **заключении** обобщаются результаты проведенного исследования, намечаются перспективы дальнейшего изучения особенностей синтагматики КЧ и СЧ.

Проведенный в работе анализ текстов четырех современных российских писателей-прозаиков показал, что выбор между КЧ и СЧ в художественном стиле современного русского литературного языка в большинстве случаев является не случайным, а связан с различными особенностями текстов, в которых эти числительные употребляются. Включение числительного в текст производится автором с учетом звучания, семантики и стилистической окраски этого числительного, а также звучания, семантики и стилистической окраски других единиц. Семантический и стилистический факторы можно

обозначить как смыслообразующие (с точки зрения автора) и смыслоразличительные (с точки зрения читателя). Семантический фактор регулирует выбор разряда, прежде всего, в пределах нормы, а действием стилистического фактора можно объяснить многие отступления от нее.

Литературную норму в сфере употребления КЧ и СЧ, несмотря на некоторые ее колебания в рамках художественного стиля, в целом следует признать достаточно устойчивой. Изменение нормы, вероятно, произошло лишь в области сочетания числительных с названиями детенышей животных: в тех случаях, когда животная ипостась у этих существ является единственной, при указании на их количество в произведениях всех четырех авторов используются только КЧ.

И норма, и отступления от нее поддерживаются действием закона аналогии. Но если СЧ употребляются преимущественно для указания на количество атипичных персонажей (людей-животных), при описании абсурдных, комичных ситуаций, то условия, в которых функционируют КЧ, более традиционны. Очевидно, именно это и определяет более частое употребление КЧ по аналогии, действие которой можно усмотреть во всех тех случаях, где выбор разряда числительного не мотивирован контекстом.

В обследованных нами художественных текстах отклонения от нормы встречаются относительно редко и в подавляющем большинстве случаев так или иначе связаны с художественным замыслом автора. Однако на основании подобных мотивированных употреблений СЧ в разговорной речи под воздействием закона языковой аналогии могут возникнуть необоснованные (не мотивированные семантически или стилистически) отступления от нормы, которые можно охарактеризовать не иначе как речевые ошибки. Расшатыванию нормы в целом способствует отсутствие прямых и однозначных рекомендаций в отношении различного рода «периферийных» словосочетаний с именами существительными, сочетаний с личными местоимениями.

Описание синтагматики числительных через систему взаимодействующих факторов позволяет объяснить многие случаи «непоследовательного» употребления КЧ и СЧ в ряде конкретных случаев. Анализ текстов Б. Акунина, В.С. Маканина, В.О. Пелевина и Л.С. Петрушевской показывает, что отступление от некоей закономерности, связанной с действием одного фактора, определяется действием другого.

Представленное диссертационное исследование связано, прежде всего, с выявлением факторов, влияющих на выбор разряда числительного, и описанием их конкретных реализаций. При дальнейшей разработке проблемы было бы целесообразно уделить более пристальное внимание особенностям их взаимодействия. Достоверная информация о причинах использования КЧ либо СЧ в той или иной ситуации может быть получена только в результате комплексного анализа текста. Очень перспективным представляется нам изучение условий функционирования КЧ и СЧ в устной разговорной речи, особенно в плане реализации фонетического фактора.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях.

1. Щеникова, Е.В. Семантическая специфика собирательных и количественных числительных: сопоставительный анализ / Е.В. Щеникова // Вестник ННГУ. Серия Филология. – Нижний Новгород, 2006. – № 1 (7). – С. 143-149.

2. Щеникова, Е.В. К вопросу о значении совокупности у собирательных числительных / Е.В. Щеникова // Вестник УГТУ. Серия Филология. Часть II: Язык и культура: лексика, грамматика, текст. – Екатеринбург, 2006. – № 3 (74). – С. 141-146.

3. Щеникова, Е.В. Некоторые вопросы использования собирательных числительных в современном русском языке / Е.В. Щеникова // Филологические исследования: Сб. ст. молодых ученых. – Н. Новгород: Изд-во Нижегородского университета, 2004. – С. 221-229.

4. Щеникова, Е.В. Об использовании количественных и собирательных числительных в сочетании с именами существительными в произведениях Бориса Акунина / Е.В. Щеникова // Проблемы языковой картины мира на современном этапе: Сб. ст. по материалам Всероссийской научной конференции молодых ученых. Нижний Новгород, 16-17 марта 2004 г. – Н. Новгород: Изд-во НГПУ, 2004. – С. 188-190.

5. Щеникова, Е.В. Использование количественных и собирательных числительных при обозначении количества животных в текстах В.О. Пелевина / Е.В. Щеникова // Проблемы языковой картины мира на современном этапе: Сб. ст. по материалам Всероссийской научной конференции молодых ученых. Вып. 4. Нижний Новгород, 17-18 марта 2005 г. – Н. Новгород: Изд-во НГПУ, 2005. – С. 188-190.

6. Щеникова, Е.В. О функционировании количественных и собирательных числительных в сочетании с субстантивами адъективного типа склонения в текстах Бориса Акунина / Е.В. Щеникова // Грамматические категории и единицы: синтагматический аспект: Материалы шестой международной конференции. Владимир, 27-30 сентября 2005 г. – Владимир: ВГПУ, 2005. – С. 231-233. – ISBN 5-87846-450-0.

7. Щеникова, Е.В. Использование имен числительных при обозначении количества животных / Е.В. Щеникова // Филологические исследования: Сб. научн. трудов, посвященный 75-летию М.А. Михайлова. – Н. Новгород, 2005. – С. 82-88.

8. Щеникова, Е.В. Использование собирательных числительных при обозначении количества лиц женского пола в текстах Бориса Акунина / Е.В. Щеникова // Жизнь провинции как феномен духовности: Сб. ст. по материалам междунар. конф. Нижний Новгород, 18-19 апреля 2005 г. – Н. Новгород: Вектор ТиС, 2006. – С. 279-282. – ISBN 5-93126-079-х.

9. Щеникова, Е.В. Употребление количественных и собирательных числительных в сочетании с именами существительными – названиями лиц в произведениях В.О. Пелевина / Е.В. Щеникова // X нижегородская сессия молодых ученых. Гуманитарные науки: Материалы докладов. 20-24 октября

2005 г. – Н. Новгород: Изд. Гладкова О.В., 2006. – С. 245-246. – ISBN 5-93530-150-4.

10. Щеникова, Е.В. Смыслоразличительные функции количественных и собирательных числительных (на материале произведений В.С. Маканина) / Е.В. Щеникова // Проблемы языковой картины мира на современном этапе: Сб. ст. по материалам Всероссийской научной конференции молодых ученых. Вып. 5. Нижний Новгород, 16-17 марта 2006 г. – Н. Новгород: Изд-во НГПУ, 2006. – С. 329-333.

11. Щеникова, Е.В. О сочетании собирательных числительных с одушевленными существительными *pluralia tantum* (на материале произведений Л.С. Петрушевской) / Е.В. Щеникова // Научное наследие Б.Н. Головина и проблемы современной лингвистики: Сб. ст. по материалам междунар. научн. конф., посвященной 90-летию профессора Б.Н. Головина. Нижний Новгород, 23-25 мая 2006 г. – Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского ун-та, 2006. – С. 400-402. – ISBN 5-85746-932-6.

Подписано в печать . Формат 60 84 1/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 1. Заказ . Тир. 100.

Типография Нижегородского госуниверситета
Лицензия ПД № 18-0099 от 04.05.2001.
603000, Н. Новгород, ул. Б. Покровская, 37.